

Op 83

C-12

Савельзон

ПУШКИН и ОРЕНБУРЖЬЕ

*Над страницами
"КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ"
и "ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА"*

Ор83
П80

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ
ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ
ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ор83

83.3/2Рос=Рус)я#2

А.Г. Прокофьева

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Программа

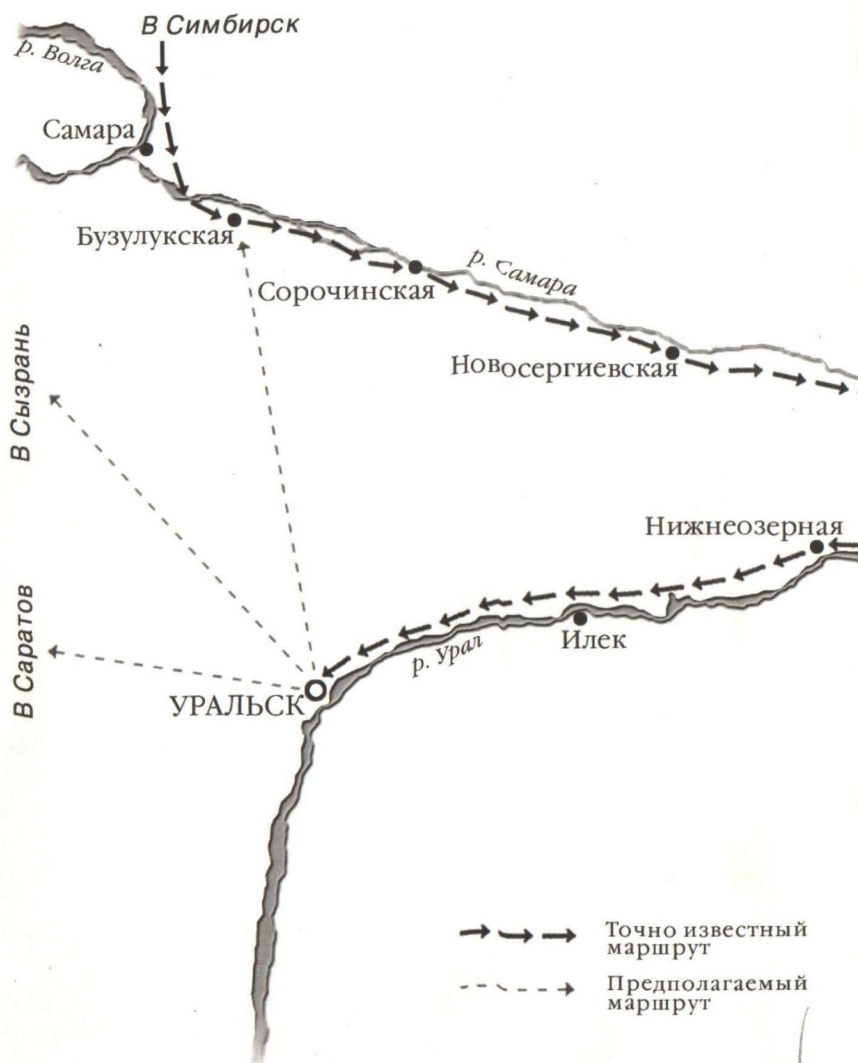
Издание второе, дополненное

15

Оренбургское
литературное агентство
Оренбург - 2003

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

КАРТА-СХЕМА ПУТЕШЕСТВИЯ ПУШКИНА

→ —→ —→ Точно известный маршрут
 - - - - - Предполагаемый маршрут

ор 83
с-12
ор 83.31

83.3/2(ос-Рус) 1-8 Пушкин

Вильям Савельзон

ПУШКИН и ОРЕНБУРЖЬЕ

Над страницами
"КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ"
и **"ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА"**

Издание второе,
исправленное и дополненное

ОРЕНБУРГ

ОБЯЗАТЕЛЬНО 2002

БЕСПЛАТНЫЙ

ЭКЗЕМПЛЯР

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Пушкинский юбилей. 1949 год. Москва. Перекрестье улицы Горького и Тверского бульвара. Мне тринадцать лет. Я живу в столице у тети и дяди, потому что отец - военный летчик, и мы докочевались до тамбовской деревушки, где был аэродром, но не было школы. Вот меня и отправили к родственникам в Москву.

Я в толпе наискосок от памятника-Пушкина. Только тогда поэт стоял там, где его поставил автор Опекушин, напротив нынешнего местоположения, через дорогу. На следующий год его зачем-то переставили, москвичи шутили: в ссылку.

Празднуют 150-летие Александра Сергеевича. Он большой, черно-зелено-бронзовый, чуть склонив курчавую голову, смотрит на мельтешащих на трибуне у его ног "великих писателей современности". Отчетливое чувство: все они - "великие", а он просто - Пушкин, и этим все сказано. Жара. Долгие речи, ведь выступить должно по одному классику от каждой страны "лагеря народной демократии".

Из тех, кого стоило запомнить, видится сейчас красиво-седовласый Александр Фадеев, слышится его взволнованный звонкий голос.

Отговорив и возложив венки, открыли гулянье. Под зацветающими, но уже сладко пахнущими липами вдоль дорожек Тверского бульвара - лотки с книгами Пушкина. Дядя (это уже потом я понял и оценил - на скудную свою пенсию) купил мне толстенный том "Избранное". Запах новой книги. Гладкая мелованная бумага, четкий шрифт, изящные виньетки, много черно-белых и упоительно красочных цветных иллюстраций.

Этот том со мной вот уже скоро полвека. Я прочел его тогда весь, с мелочишками вроде "Table-talk" и комментариями. Может, потому и сейчас многое помню наизусть. И когда работал над этой книгой, то легко отыскивал нужные страницы.

Рассуждая, к примеру, почему капитанская дочка в XVIII веке вряд ли могла быть Марией и что Пушкин назвал ее так, исходя из моды на имена своего, XIX века, тут же открыл книгу на примечании к "Полтаве", объясняющем эту именную загадку. Или когда дошел до "четвертого дна" пушкинского оренбургского рисунка, который мне посчастливилось "привязать" к селу Нижнеозерному, и до еле заметных строчек из Гомера на этом рисун-

ке, то сразу вспомнил и нашел, где у Пушкина в том же томе о переводе "Илиады" Гнедичем.

Я вообще уверен, что Пушкиным можно и нужно верить все происходящее. Как часто задаешься вопросом: "А что бы он сказал? Как бы оценил какое-то событие нашей жизни? Как бы поступил?"

И чем чаще мы будем стараться увидеть себя и свой век его глазами и умом - тем меньше будет в нашей жизни места глупостям, подлостям и трагедиям.

"Мой Пушкин" - назвали свои книги Валерий Брюсов и Марина Цветаева. У каждого из нас - свой Пушкин.

* * *

Надо чаще перечитывать Пушкина. А нам, оренбуржцам, - особенно "Историю Пугачева" и "Капитанскую дочку", явившиеся на свет, потому что Александр Сергеевич приезжал к нам.

У Ираклия Андроникова есть прелестный рассказ, как в Тарханах на каком-то лермонтовском юбилее местный житель объяснял ему:

- Когда убитого на дуэли Лермонтова привезли сюда, к нам, мы все вышли его встречать.

- Кто - мы?

- Да местные, тарханские мужики.

Он чувствовал себя неотделимой, безвременной частицей. Так и нам хорошо бы уметь себя ощущать: мы, оренбуржцы, осенью 1833 года встречали в Бузулуке, Сорочинске, Новосергиевке, Переволоцком, Оренбурге, Бердах, Татищеве, Нижнеозерном Александра Сергеевича Пушкина.

А насчет того, что надо чаще его перечитывать, - сколько страниц в "Капитанской дочке"? Многие из нас, у кого школа начисто отбила всякое желание снова "проходить" Пушкина, скажут: "Наверно, пятьсот, а то и тысяча?" Нет, там всего-то около сотни страниц! Какому-нибудь современному "классику" этого не хватило бы даже на описание своего "босоногого детства" - вступление в очередное эпохальное произведение, оценят которое лишь библиотечные мыши.

А вот Пушкин на этой сотне страниц создал оренбургские "Войну и мир".

* * *

Во время своего большого путешествия на Волгу и Урал осенью 1833 года Александр Сергеевич побывал во многих городах: в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске. Повсюду жадно искал свидетелей пугачевщины и места, с ней связанные, знакомился, где удавалось, с архивными материалами. В каждом городе был по несколько дней.

Но весьма любопытны психологически строки из двух его писем.

12 сентября. Заехав в село Языково, он пишет жене Наталье Николаевне в девятом дорожном письме:

"Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора и к вечеру отправлюсь в Оренбург, последняя цель моего путешествия".

Позвольте, но ведь Пушкин после Оренбурга намеревался ехать еще и в Уральск. Почему же "последняя цель" - Оренбург?

Не могу согласиться с уральским исследователем А.И. Белым, который считает, что в Уральск Пушкин заезжать не планировал, а решение свое изменил под влиянием Даля и Перовского уже в Оренбурге. Провести по несколько дней в таких менее "пугачевских" городах, как Нижний Новгород, Казань или Симбирск - и не побывать в Уральске, где произошло столько событий пугачевщины?

Это кажется мало вероятным. Ведь Пушкин недаром выписал из рапорта генерал-майора П.М. Голицына президенту Военной коллегии З.Г. Чернышеву слова об Уральске: "начальное гнездо бунта". Тем более, этот город лежал уже на возвратном пути поэта и был сравнительно недалеко.

Прошло больше года. 19 октября 1834 года Пушкин пишет в Казань жене ректора тамошнего университета поэтессе Александре Андреевне Фукс. Хотя о ней Пушкин в одном из своих писем с дороги жене отозвался весьма насмешливо, чтобы успокоить ревность Натальи Николаевны, Фукс была человеком просвещенным, приняла поэта в своем доме очень радушно. Недаром же он дал ей свой петербургский адрес и выразил надежду, что она заедет к нему в Петербург. Александра Андреевна прислала ему потом свой поэтический сборник, где было восторженное стихотворение "На проезд Пушкина через Казань".

Отвечая Фукс на этот сильно задержавшийся в пути подарок, Пушкин объясняет: нарочного, везшего письмо Александры Андреевны, "уже не застал в Петербурге, по возвращении моем из Оренбурга".

Снова тот же конечный пункт!

Как знаменательно: все путешествие на Волгу и Урал было в сознании Пушкина прежде всего поездкой в Оренбург! Да и в воспоминаниях тех, кому он по горячим следам рассказывал о своем большом путешествии, - тоже. После Оренбурга - Уральска по пути в Болдино Пушкин заехал к братьям Языковым. Один из них - А.М. Языков записал: "Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика".

Интересно, что П.В. Анненков в первой биографии Пушкина главу XXXII об этом путешествии озаглавил: "...Осень 1833 года. Поездка в Оренбург и Болдино".

Даже в Ульяновске, бывшем Симбирске, который Александр Сергеевич тоже посетил в той поездке, на мемориальной доске на Советской, 16, без ревности написали: "В этом доме проездом из Петербурга в Оренбург останавливался великий народный поэт А.С. Пушкин".

По всему по этому вполне справедливо именовать этот длительный вояж августа - сентября 1833 года - оренбургским.

Оренбуржью выпало счастье: почти пять дней, с дорогой был поэт в нашем крае. Уехал из Петербурга с тяжелой душой: долги, тревога о семье, оскорбительная царская милость. Но почитайте Даля, который был с Пушкиным в Оренбурге неотлучно: Александр Сергеевич "с живостью расспрашивал", "от души хохотал", "воспламенился, в полном смысле слова"...

Каждый по себе знает: вдруг выдаются радостно-деятельные дни, все получается, даже сверх задуманного, всякий час спрессован событиями и встречами. Такими энергетически заряженными были для Пушкина оренбургские дни.

Этой энергии хватило ему до конца - увы! короткой его жизни. Ведь "Капитанская дочка" появилась лишь за несколько месяцев до роковой даты. Даже в канун гибели в одном из писем он снова касается того, что так волновало его, особенно в Оренбуржье, - истории Пугачева.

За всю свою жизнь Пушкин проехал около 33 - 34 тысяч километров. Некоторые авторы называют даже цифру в 40 тысяч. В любом случае он за недолгую свою жизнь практически обогнул земной шар по экватору. Оренбургская поездка была одной из самых продолжительных.

"Историей Пугачева" и "Капитанской дочкой" Александр Сергеевич ввел Оренбуржье в исторический и литературный оборот. Он впервые поведаль пером историка и беллетриста о нашем крае России и миру.

Прибавим к этому свидетельство Гоголя в "Авторской исповеди": Пушкин "отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому". Сюжет "Ревизора", родившийся из предостерегающего письма нижегородского губернатора оренбургскому: на самом деле едет, мол, поэт с тайной ревизией.

Верно заметил оренбургский литературовед Н.Е. Прянишников:

"Оренбург, давший материал для лучшей повести на русском языке, может похвастаться и тем, что послужил, так сказать, колыбелью и лучшей русской комедии, вышедшей, кстати сказать, в одном году с "Капитанской дочкой".

...Позади очередной пушкинский юбилей. 200 лет. Время, когда нам снова надо обдумать и понять, как точно и емко звучит афоризм преподавателя русского языка Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Аполлона Григорьева: "Пушкин - это наше всё".

ЛИЦЕЙСКИЙ ГЛОБУС

Как-то приехал я в зимний тогда еще Ленинград. Сырой холод, поземка, у сфинкса на набережной залеплены снегом глаза. С утра электричкой за полчаса добрался я до Царского Села - Пушкина. Еще минут десять автобусом - и вот он, Лицей, песчано-коричневый овальный корпус под прямым углом к Екатерининскому дворцу. Походил по парку, замерзшим озерам, обошел заиндеветшую Чесменскую колонну, бормоча ахматовское:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.*

Замерз. В музее же было тепло. Познакомился с Ангелиной Ивановой Мининой, заместителем директора пушкинских музеев. Слово "Оренбург" - ключ к сердцу пушкиниста.

- Так вы из Оренбурга? Пойдемте, я покажу вам Лицей.

Это - по-петербургски. В суматошной Москве вряд ли ее коллега бросила бы дела, чтобы повести заезжего человека показать и рассказать.

И вот мы поднимаемся по лестнице, где когда-то толпились лицеисты, ожидая Державина, где юный Пушкин увидел свою первую любовь - Катеньку Бакунину. Четвертый этаж. Длинный коридор, налево и направо кельи лицеистов, как Пушкин называл.

Сердце забилося: № 14. У входа умывальный ящик, дальше низкая кровать под белым шерстяным одеялом, комод, в углу конторка.

Ангелина Ивановна прочла в глазах моих мольбу, сняла ограждающий красный шнур на пороге:

- Войдите.

И отошла, умница, на несколько минут.

Я стоял в том объеме пространства, которое несколько лет занимал он. И при всем своем закоренелом матерьялизме готов побиться об зак-

лад, что "смуглый отрок" оставил здесь какое-то излучение, что-то словно светится в этой полутемной комнатке, где в полуоконце (другая половина у соседа справа, друга "Жанно" Пушкина) дворцовая арка не пускает солнце почти весь день. Вот что он видел: темно-лазоревою стену церкви при дворце, крышу, трубы и клочок белого петербургского неба.

Очнулся я от деликатного покашливания Ангелины Ивановны:

- Пойдем дальше?

Спустились на третий, учебный этаж. Странное чувство, которое можно выразить приблизительными словами: "то самое?"

Тот самый зал, знакомый по картине Репина "А.С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года". Тот же стол под красной скатертью, стены расписаны под мрамор. Только все меньше, чем представлялось. Этот стол убирался, и лицеисты гуляли, дурачились, играли в мяч. Дальше комната с конторками для занятий. Автограф одного из первых стихотворений Пушкина "Роза" с уже оформившейся полустенографической, как запятая, буквой "з".

Следующая комната - классная. На возвышении стол и стул преподавателя. Черная доска. Амфитеатром три дуги, каждая из столов на пять человек. Пушкин сидел впереди лишь на словесности, на точных же науках - на "камчатке". Впрочем, все они тогда были гуманитариями: в журнале по словесности, языкам почти у всех 1 и 2 (оценки были наоборот). А по математике, физике у Пушкина в основном 4.

У окна, обращенного к дворцовой церкви, я увидел большой глобус. Поискал глазами, что лицеист Александр Пушкин мог увидеть в наших местах? Лента реки Урала. Мелкие буквы: "Оренбург". "Большой Сырт". "Урал".

В лицее преподавали географию, и этот глобус был все время в ходу. И обозначений на нем не так уж много, чтобы "смуглый отрок" не заметил тех, что относятся к Оренбуржью.

И я подумал, что осенние дни 1833 года, проведенные поэтом в нашем крае, произвели на него такой же эффект "то самое?" Буковки на глобусе обернулись степями, городом над уральским обрывом, приуральскими станицами-крепостями. Страшным бураном. Чернобородым Пугачевым. Сражениями и любовью.

Сколько чуть заметных "нитей", связывающих Пушкина с Оренбуржьем! ...Женившись, он был введен во владение отцовским нижегородским сельцом Кистеневу. Очень любопытно: одна из частей Кистенева называлась - Бунтовкой! По свидетельству автора статьи "О Болдинском имении А.С. Пушкина" А.И. Звездина, крестьяне Кистенева, как и Болдина, весной уходили гуртовщиками в оренбургские степи, и это, конечно, Александру Сергеевичу было известно.

...Не мог автор "Руслана и Людмилы" не знать былины об огромной голове богатыря, лежащей там, где Касмара (Сакмара) впадает в Яик. И

когда у горы Маяк переехал Сакмару, то, наверно, подивился судьбе, забросившей его в это былинное место.

...В конце 1826 года, когда Пушкин вернулся в Москву из михайловской ссылки, П.А. Вяземский познакомил его с поэтессой Екатериной Александровной Тимашевой. Она до того десять лет прожила в Оренбурге, и, видимо, поэт, жадный к новым местам, да еще каким - пугачевским! - не раз говорил с ней о нашем крае. Она была женой Егора Николаевича Тимашева, хозяина дома, известного оренбуржцам как "дом Тимашевых". Легенда, - увы, недостоверная, - гласит, что Пушкин в этом доме останавливался. Об этом мы побеседуем попозже.

Пожилились они в Дорогобуже, на Смоленщине, когда Егор Николаевич был уланским офицером. Потом супруги переехали в Оренбург. Тимашев стал старшим адъютантом военного губернатора Г.С. Волконского, потом наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, а с февраля интересующего нас 1833 года был избран предводителем дворянства Оренбургской губернии.

А Екатерина (Катерина) Александровна была из рода Загряжских. Это обстоятельство тоже связывает ее с Пушкиным: родственница ее, Екатерина Ивановна Загряжская - тетка Натальи Николаевны Гончаровой, жены поэта.

Супружеская жизнь четы Тимашевых не сложилась. Екатерина Александровна с детьми уехала в Москву. В ее альбом Пушкин записал посвященное ей стихотворение, которое свидетельствует и о том, что она тоже писала стихи. В собраниях сочинений А.С. Пушкина к заголовку "К.А. Тимашевой" иногда делается ссылка: "московская поэтесса".

*Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперницы запретной розы
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы.*

И дата - "20 окт. 1826. Москва".

В последней строчке - разночтения: иногда печатают: "И много рифм, и много прозы". А "запретной розой" называл П.А. Вяземский племянницу Е.А. Тимашевой красавицу Елизавету Киндякову. Через несколько дней, 9 ноября, Пушкин написал Вяземскому: "Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с ней завести благородную интригу. Но и это не ушло".

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66